

Суббота, 13 ноября 1904 г.

Условия подписки с доставкой и пересылкой городским и иногородним подписчикам:

12 н.—9 р., 11 н.—8 р. 50 к., 10 н.—8 р., 9 н.—7 р.
25 к., 8 н.—6 р. 50 к., 7 н.—5 р. 75 к., 6 н.—5 р., 5 н.—
4 р. 25 к., 4 н.—3 р. 50 к., 3 н.—2 р. 75 к., 2 н.—2 р.
1 н.—1 р.

За пересылку загранич. изд. добавоч. 60 к. ежемесячно.
Подписка принимается только с начала 1 числа
и по дате конца года.

За объявления: за строку, занимаемую петитом на 1-й стра-
нице, 20 к., на 4-й странице—10 к.

При многократ. печатании—скидка по соглашению.

За разсыл. приложений при газете—8 р. от каждой тысячи.

Главн. контора помещается в Ростове на Дону, на Вол.
Садовой улице, в собствен. доме.

Контора открыта ежедневно от 8 час. утра до 8 ч. ве-
чера, в воскресные и празднич. дни от 10 до 12 ч. дня.
Отдельные номера в Ростове и в отделениях—6 к.

Телефон конторы № 240.

№ 301. Годъ четырнадцатый. № 301.

ПРИДОНОВСКИЙ КРАЙ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Суббота, 13 ноября 1904 г.

Решение газет. конгр. в Ростове на Дону, на Вол. Садовой улице, в собствен. доме.

Редакция для лич. общ. откр. отъ 12 до 2 ч. дня.
Статьи должны быть доставлены с подпискою и адре-
сом автора. Принятые статьи, по усмотрению редакц.,
подлежат изменению и сокращению. Статьи без обо-
значения условий считаются бесплатными. Мелкие замечан-
ия уничтожаются, статьи сокращаются 1/3. Пересылку
рукописей обратно авторам редакц. на себя не при-
нимает. Гонорары выдаются в контор. по субботам
отъ 10 до 1 часа дня. Телефон редакц. № 6.

Объявления для газ. „Придонский Край“ отъ лиц, фирм
и учреждений, находящихся в С.-Петербурге, Москве,
Вильне, Риге, Харькове, Одессе, Приамурскомъ краѣ
и за границею, принимаются исключительно в централь-
ной контор. объявлений торгового дома „Л. и Э. Метцель и К.“
в Москве, в доме Сытина, и в его отделение в С.-Пе-
тербурге, на Б. Морской, № 11, и в Варшаве, Краков-
ское предм., № 58.—по таксам: полдн. текста по 12 к., а
вечерн. текста по 25 к. за строку петита или занимаемое
имъ место.

АРАБЕСКИ.

Послѣ смерти незабвеннаго, дорогого каждому русскому сердцу А. П. Чехова, въ Таганрогѣ, на родинѣ великаго писателя, только на-дняхъ впервые была поставлена одна изъ лучшихъ его пьесъ „Три сестры“.

Спектакль обѣщаль быть торжественнымъ.

Во-первыхъ, онъ посвящался памяти Чехова, во-вторыхъ, третья часть валового сбора предназначалась въ капиталъ на сооруженіе зданія библиотеки имени А. П. Чехова.

Объ этомъ спектакль говорили еще за двѣ недѣли назадъ. Казалось, будто имъ заинтересовалась мѣстная интеллигенція. Кой-кто говорилъ о чествованіи памяти незабвеннаго согражданина, о прекрасной цѣли спектакля, которая будетъ способствовать скорѣйшему увѣковѣченію имени писателя, а главное, выполненію его завѣтнаго желанія—сооруженію въ Таганрогѣ хорошей библиотеки.

Я хорошо знаю таганрожцевъ, тѣмъ не менѣе я ожидалъ, что на этотъ разъ они все же проявятъ жгучій интересъ и глубокое почтеніе къ памяти писателя и къ его благороднѣйшимъ стремленіямъ.

Я думалъ, что спектакль дастъ полный сборъ, что билетовъ не хватитъ, будутъ приставные стулья и будутъ пожертвованія.

Я хорошо знаю таганрожцевъ, знаю тщеславную интеллигенцію, но все же я думалъ, что она вся появится на чеховскомъ спектаклѣ, пошлетъ сочувственныя телеграммы убитымъ горемъ матери и сестрѣ покойнаго, я думалъ, что здѣсь именно проявится, наконецъ, хотя и позднее, но глубоко-искреннее ихъ сожалѣніе и любовь къ гордости Россіи. А. П. Чехову, впервые увидѣвшему свѣтъ и получившему образованіе въ Таганрогѣ...

Оказалось, однако, что я ошибся. Мои оптимистическія ожиданія не оправдались!

Театръ былъ совершенно пустъ! Только немного учащейся молодежи въ ложахъ, немного интеллигенціи въ партерѣ—вотъ и вся публика!

Было жутко и тоскливо въ пустынныхъ коридорахъ и мрачно въ зіяющихъ пустотой ложахъ!..

Что же это значитъ? Въдѣ въ Таганрогѣ есть интеллигенція; ея не мало и посѣщаетъ она театръ довольно часто. Вы можете ее видѣть на всѣхъ бенефисныхъ спектакляхъ, вы видѣли ее на «кавалерійской атакѣ», когда танцовали кекъ-уокъ, когда давали новый фарсъ Никольскаго, когда въ лѣтнемъ театрѣ бр. Багдасаровыхъ пѣла г-жа Сесиль-де-Грасье.

Какая бы она ни была, пусть только по названію, но у насъ есть интеллигенція.

Есть у насъ, надо думать, и тоскующія сестры, которыя задыхаются въ таганрогскомъ стоячемъ болотѣ, есть и врачи Астровы, талантливые, изящные, но глубоко страдающіе въ полномъ одиночествѣ, есть прекрасныя дамы, полныя благородныхъ стремлений, по крайней мѣрѣ, на словахъ.

Да, въ нашемъ городѣ вы найдете разнообразную галлерею чеховскихъ героевъ, съ неудовлетворенными желаніями, затаенной скорбью и неубитой еще надеждой на лучшее будущее...

Почему же они, какъ только былъ объявленъ чеховскій спектакль, не заурядный какой-нибудь спектакль, а чеховскій, посвященный памяти милаго, дорогого писателя, съ просвѣтительными цѣлями, почему они немедленно попрятались въ свои норы, бѣжали кто въ клубъ, кто на частную вечеринку съ закуской и хорошей выпивкой, кто въ ниня дающія забвѣ мѣста...

Или я ошибаюсь? Таганрогъ, родина А. П. Чехова, является рѣдкимъ, непонятнымъ исключеніемъ?

Здѣсь нѣтъ чеховскихъ героевъ и вовсе не знаютъ Чехова.

Не тоскуютъ, не ищутъ новыхъ путей, не стремятся къ прекрасной, изящной жизни, не мечтаютъ даже о ней; здѣсь всѣ уже вполне обреченные, довольные собой, своей судьбою и женой, которые хорошо пьютъ, ѣдятъ, спятъ и тѣшатъ свое мелкое, тщеславное самолюбіе игрою въ просвѣтительные кружки, въ благотворительность, въ заботы о народномъ образованіи?

А наши дамы, наши прекрасныя дамы («некрасивыхъ женщинъ нѣтъ!» — это сказалъ Гейне), которыхъ я такъ часто вижу въ театрѣ, благоуханныхъ, нарядныхъ, весело улыбающихся, конфетки сосушихъ, о бѣдныхъ, больныхъ и раненыхъ заботящихся, почему онѣ такъ трусливо бѣжали отъ одиноко страдающихъ, бѣдныхъ, прекрасныхъ трехъ сестеръ?

Въ театрѣ было жутко отъ безлюдья и глубокіе вздохи печальныхъ сестеръ въ этой пустотѣ казались воплями.

И мнѣ съ ироніей, со злой усмѣшкой говорили:

— Вы обрушились на драматическую труппу за кекъ-уокъ! А, между тѣмъ, вѣдь этотъ кекъ-уокъ собралъ всю таганрогскую интеллигенцію. Ее никто насильно не тянулъ. Она сама пришла. Какъ сама же набрасывается на всякіе глупые фарсы. Обличать надо было не театральную администрацію, а публику вашу, таганрогскую публику, равнодушную къ искусству, къ ея даровитѣйшимъ представителямъ и ко всему вообще, кромѣ собственнаго мѣщански-грубаго, мелко-тщеславнаго благополучія!..

Да... Было стыдно и больно за нашъ несчастный Таганрогъ!

Какую бы провинціальную газету, не говоря уже о столичныхъ, вы не почитали, всюду пишутъ, что во всѣхъ городахъ пьесы А. П. Чехова пріобрѣли теперь особый, жгучій интересъ. Онѣ дѣлають полные сборы, онѣ вызываютъ бурю восторговъ и глубокое удивленіе предъ исключительнымъ дарованіемъ и даже даромъ предвидѣнія, пророчества великаго русскаго писателя...

«Чрезъ двадцать-тридцать лѣтъ наступить прекрасная жизнь на землѣ», — говоритъ А. П. Чеховъ во всѣхъ произведеніяхъ устами своихъ героев...

Развѣ эти слова не оказались пророчествомъ? Развѣ мы не видимъ уже въ туманѣ еле замѣтныя очертанія той прекрасной жизни, о которой пророчествовалъ писатель?..

И не потому ли имя Чехова стало всюду обаятельно-прекраснымъ?

Во всей необъятной провинціи, сами обыватели хлопчуть о названіи улицъ „чеховскими“, о чеховскихъ кружкахъ и библіотекахъ, стипендіяхъ имени А. П. Чехова, — и только въ Таганрогѣ, на родинѣ писателя, все такъ тихо, безразлично и уныло, какъ на кладбищѣ.

Интеллигенція равнодушна, безразлична, черства...

„Что ей Гекуба?“

Впрочемъ, я былъ бы несправедливъ, если все бы написанное адресовалъ *всему* безъ исключенія Таганрогу.

Нѣтъ. За нѣсколько дней ранѣе состоялся другой чеховскій вечеръ въ обществѣ „Самопомощь“, предназначавшійся для иной аудиторіи.

Сюда собрались люди иного общества, иныхъ положеній, не принадлежащіе къ такъ называемой „соли таганрогской земли“, простые люди трудовой жизни, которую такъ ярко изображалъ даровитый писатель.

И посмотрѣли бы вы, что дѣлалось въ тотъ вечеръ въ „Самопомощи“! Публика заполнила всѣ залы, всѣ мѣста, стояла въ проходахъ, у вѣшалокъ, и все же очень многимъ пришлось уйти, такъ какъ въ помѣщеніи уже негдѣ было, что называется, яблоку упасть.

Было невѣроятно тѣсно, душно, а публика жадно слушала и лекціи о Чеховѣ, и его удивительно-прекрасный рассказъ „Человѣкъ въ футлярѣ“, и стихотворенія, посвященные памяти писателя.

и Вечеръ имѣлъ большой успѣхъ. Здѣсь было много трудящихся дѣвицъ, можетъ быть, такихъ же несчастныхъ, какъ бѣдная Соня, какъ страдальца-Чайка, какъ три одинокихъ сестры.

Здѣсь были маленькіе труженики, которыхъ никто не знаетъ, но которыми я полна и держится земля.

Цѣль этого вечера была такая же, какъ и въ театрѣ, но какая разница въ результатахъ!

Отъ простыхъ, безхитростныхъ, но сохранившихъ „душу живу“ людей, городская библіотека имени Чехова получить въ три-четыре раза болѣе,

не чѣмъ отъ нашей празноболтающей капиталистической интеллигенціи, которая, очевидно, ничего уже не хочетъ,

ни о чемъ не мечтаетъ и вполне счастлива въ своемъ застоѣ, въ своемъ сѣромъ, безцѣльномъ существованіи...

Но... не хочется вѣрить, что все уже кончено. Наступитъ день, я убѣжденъ, когда проснутся люди и чутко станутъ прислушиваться не къ рабски унылымъ, рѣзкимъ звукамъ кекъ-уока, а въ прекрасной пѣснѣ о лучшей жизни на землѣ..

Та- не оль- на вы- кѣ», ла-

Шиллеръ изъ Таганрога.